

Ютебни,
цлагают
сследуя
казыва-

ков сва-
бытова-
рование
данном
ик») и
с этими
к «бла-

дов сва-
рядовой
ными и
утка»),
, «пря-
и в раз-
вишник
ровай»),
семей-
дарных

А. К. Байбурун

Семиотический статус вещей и мифология

Проблема «вещь — миф» может быть рассмотрена в разных планах в зависимости от того, какое содержание вкладывается в эти понятия. Под мифом обычно понимается словесный текст, но наряду с этим существует понимание мифа как мировоззренческой схемы, как системы представлений о строении мира («модель мира»). Первое и второе значения понятия «миф» соотносятся между собой как план выражения и план содержания, причем словесный текст является лишь частным случаем реализации модели мира (т. е. мифа во втором значении) наряду с другими текстами культуры. К числу последних относится и «вещь», если в этот термин вкладывается не только прагматический, но и семиотический смысл. Его описание является основной задачей данной статьи.

1. Вопросы соотношения вещи и мифа в привычном значении этих терминов входят в число традиционных сюжетов этнографических исследований.¹ При этом нетрудно заметить, что в качестве объекта изучения, как правило, выбираются те предметы, знаковый характер которых вполне очевиден. В набор таких вещей обычно входит обрядовая утварь, пища, ритуальные постройки, церемониальные костюмы, маски и другие предметы, отмеченные в сфере сакрального.² Вещи бытового и хозяйственного назначения для подобных целей привлекаются редко, что существенно обедняет картину воссоздаваемого облика культуры или ее фрагментов. Между тем еще в 1937 г. П. Г. Богатырев на примере национального костюма Моравской Словакии показал, что в принципе любая вещь обладает не одной функцией, а целым набором, пучком функций, среди которых есть и практические, и символические. «Возьмем, например, деревенские постройки, — писал П. Г. Богатырев в заключение своего исследования. — Наряду с практическими функциями, которыми обладает деревенский дом и его детали, мы обнаружим здесь и ряд дру-

¹ Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры. — СЭ, 1970, № 4, с. 4.

² См., напр.: Абрамзон С. М. Предметы культа казахов, киргизов и каракалпаков. — В кн.: Материальная культура народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Л., 1978 (Сб. МАЭ, т. XXXIV); Березкин Ю. Е. Росписи культового содержания на сосудах наска (Перу). — В кн.: Из культурного наследия народов Америки и Африки. Л., 1975 (Сб. МАЭ, т. XXXI); Дыренкова Н. П. Материалы по шаманству у телеутов. Л., 1949 (Сб. МАЭ, т. X); Жуковская Н. Л. Мандала как предмет ламаистского культа. Л., 1973 (Сб. МАЭ, т. XXIX); Иванов С. В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. Л., 1979; Прокофьева Е. Д. Энецкий шаманский костюм. Л., 1951 (Сб. МАЭ, т. XII); Ревуненкова Е. В. Магические жезлы батагов Суматры. — Там же, 1973, т. XXIX; Сулова И. В. Головные украшения китайок и их символика. — В кн.: Одежда народов Зарубежной Азии. Л., 1977 (Сб. МАЭ, т. XXXII), и др.

Г. Со-
мцов
ти сла-

